
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-V

посвящается К. Ф. Голстунскому

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург

2001

Ответственный редактор

С. Г. Кляшторный

Редакционная коллегия

Н. С. Яхонтова, С. Д. Дмитриев, И. В. Кульганек

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 00-04-16212д*

Mongolika-V: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. — 184 с.

Сборник посвящен выдающемуся ученому-монголоведу, оставившему глубокий след в отечественном востоковедении, автору многочисленных научных трудов по истории, праву, языку монгольских народов, заслуженному ординарному профессору Санкт-Петербургского университета, посвятившему 46 лет своей жизни преподавательской деятельности, — Константину Федоровичу Голстунскому, со дня смерти которого на момент, когда был подготовлен этот коллективный труд (1999 г.), прошло 100 лет.

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *М. В. Вялкина*. Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

ЛР № 065555 от 5.12.97

Подписано в печать 10.10. 2001. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Times DL».

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 23 п. л. Тираж 500 экз.

Заказ № 43

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

© «Петербургское Востоковедение», 2001

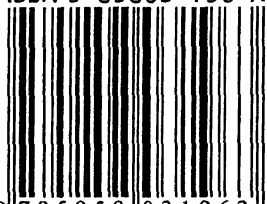
© Санкт-Петербургский филиал

Института востоковедения РАН

Зарегистрированная торговая марка

ISBN 5-85803-196-X

9 785858 031963

Содержание

Предисловие		5
Памяти К. Ф. Голстунского		
А. М. Решетов	К. Ф. Голстунский: жизнь и деятельность выдающегося монголоведа	6
З. К. Касьяненко	Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета при К. Ф. Голстунском и после	15
Т. Г. Борджанова	К. Ф. Голстунский и калмыцкий фольклор	17
Источниковедение и историография		
В. Л. Успенский	Ойратские рукописи, поступившие в Санкт-Петербургский университет от К. Ф. Голстунского	18
С. В. Дмитриев	<i>Сулде</i> : к проблеме истории формирования военно-политической терминологии средневековых кочевников Евразии	21
Е. В. Павлова	Частное землевладение в удельных русских княжествах Северо-Восточной Руси в течение позднего монголо-татарского периода и вопрос о влиянии монголо-татарского права	31
Футаки Хироши (Токио)	Классификация текстов о Белом старце (пер. с англ. М. П. Петровой)	33
Из рукописного наследия. Текстология		
Н. С. Яхонтова	«Ключ разума» (ойратский текст)	38
А. Д. Цсндина	Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына»	54
И. В. Маневская	Биография буддийского проповедника XI в. Атиши на монгольском языке	75
Б. С. Дугаров	О восточноаянском обрядовом тексте культа Гэсэра	100
Литературоведение. Лингвистика. Фольклористика		
И. В. Кульганек	Монгольский песенник из рукописного фонда СПбФ ИВ РАН	103
В. К. Шивлянова	Калмыцкий обряд «Мацг Идр» («День поста») и проблема структурно-стилистического единства молитвенных напевов	113
Булаг (Хух-Хото, КНР)	Религиозная литература монголов (пер. с монг. В. Л. Успенского)	119
Из архивов востоковедов		
М. И. Клягина-Кондратьева	Дневниковые записи	124
А. И. Андреев	Новая Монголия глазами русского путешественника (По страницам дневников последней экспедиции П. К. Козлова)	157
А. З. Хамарханов	Из переписки Г. Д. Санжеева и Т. А. Бертагаева	164
Наши переводы		
Жамбын Дашдондог	Юрта (пер. с монг. Л. Г. Скородумовой)	172
Очирбатын Дашбалбар	Переводы разных лет (пер. с монг. М. П. Петровой)	174
Ц. Тумэнбаяр	Скорпион (пер. с монг. М. П. Петровой)	176
	Из детского монгольского фольклора (пер. с монг. И. В. Кульганек)	178
Foreword		180

А. И. Андреев

**Новая Монголия глазами русского путешественника
(По страницам дневников последней экспедиции П. К. Козлова) ***

Дневники Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова (1923—1926) ¹ уже давно привлекают к себе внимание исследователей. Интерес к ним обусловлен главным образом их высокой информативностью, обилием самых разнообразных фактов и сведений, многие из которых не известны из других источников. К сожалению, весь этот богатый материал до сих пор еще не введен в научный оборот. Дело в том, что осуществленное ВГО в 1949 г. издание дневников ² представляет собой, по сути, их пересказ с огромными лакунами, что не позволяет нам считать его строго научной публикацией. Особенно пострадал при редактировании Дневник № 1 (июль 1923—апрель 1924), из которого в печать попало лишь несколько записей, а также Дневник № 3 (ноябрь 1924—май 1925). Но редакторов этого издания во главе с Е. В. Козловой отчасти можно понять, ибо первый из пяти дневников мало касается научно-исследовательской деятельности П. К. Козлова. Речь в нем идет преимущественно о наиболее драматичном начальном этапе экспедиции — она более чем на 6 месяцев была задержана Центром (Политбюро ЦК) в монгольской столице, результатом чего, как известно, стало вынужденное перераспределение экспедиции с Тибета на Монголию, хотя в научной литературе за ней по-прежнему сохраняется название Монголо-Тибетской. Обстоятельства «Ургинского стояния» отряда Козлова — замысловатые интриги НКВД и ОГПУ вокруг экспедиции и ее начальника — были подробно рассмотрены мною в отдельной статье ³. В этом новом очерке я бы хотел остановиться на еще одной интересной побочной теме, нашедшей отражение главным образом в содержании первых двух дневников, а именно на сообщениях Козлова об Урге и Монголии в целом, относящихся к 1923—1924 гг. — периоду, предшествующему начавшейся после 1-го Хуралдана коренной ломки всей феодально-теократической инфраструктуры монгольского государства.

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о стилистическом своеобразии дневников Козлова, представляющих собой необычайно тесное переплетение записей научно-делового и сугубо личного, интимного характера. Монотонные ежедневные метеосводки и периодически появляющиеся в тексте различного рода денежные расчеты, поскольку вся бухгалтерия экспедиции находилась в руках ее начальника, перемежаются тонкими лирическими пассажами, воспевающими красоты монгольской природы, и иными откровениями. Здесь же на страницах дневников мы находим и яркие бытовые зарисовки — впечатления путешественника от новой Монголии, строящейся по советскому образцу, последние московские «новости» и ургинские слухи, а также отклики на те или иные «большие события» политической и общественной жизни СССР и МНР — смерть Ленина и Богдо-гэгэна, признание Англией Советской России, советско-китайские переговоры, 1-й Хуралдан, «великий перелет» Москва—Пекин и многое-многое другое. Из всего этого информационного многообразия наибольший интерес для нас сегодня, пожалуй, представляет то, что Козлов пишет о Монголии — спустя 2 года после победы Народной революции в стране и лишь год после ликвидации «контрреволюционного» правительства Д. Бодо. Какой же видится глазами старого русского путешественника новая «красная» Урга, где еще недавно цырики возили по базарам насаженную на пику голову «врага монгольского народа» Джа-ламы?

В столицу Монголии Козлов вместе с членами своей экспедиции въехал 1 октября 1923 г. На наемном тарантасе он промчался через весь город к дому старого друга Ц. Г. Бадмажапова ⁴. Здесь, на окраине Урги, вскоре разместится его экспедиционный лагерь. Вечером того же дня П. К. записал в дневнике:

«Урга — прежняя, грязная, с обилием собак и грязных нищих (беднота), крики, гам, рев животных. Всадники-монголы, непременно вскачь несущиеся в стоячей посадке, невзирая на встречных; там и сям „орлики“ (это о справляющих на улице

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 98-03-04287.

нужду монголах. — А. А.); на кучах мусора черные собаки: днем спят, ночью неистово лают и грызутся одна с другой. Новость — электричество. Мы в лучшей части Урги, не опоганенной зловонием. Устроились!»

Эта картина вполне соответствует тому, что писали об Урге в конце XIX—начале XX в. другие русские путешественники, в том числе и сам Козлов⁵. Через 4 дня в дневнике появляется новая запись: «Самый город полон народа: монголов, русских, китайцев, тибетцев. Русское влияние огромно. Построек типа русских [все] больше и больше. Вероятно, и торговля с монголами у русских также многозначаша. Вчера я наблюдал солдат монгол[ов], марширующих под песни, на манер русских. По улицам то и дело снуют конные типичные монголы».

Итак, вот еще одна отличительная примета новой Урги — ее военизированный характер, подчеркнутый наблюдательным путешественником. Город полон военного люда — это и советские части, участвовавшие в освобождении Монголии от барона Унгерна и затем оставшиеся в стране по просьбе революционного правительства (в помощь которым Москва в конце 1921 г. направила Отдельный калмыцкий эскадрон), и формируемые с помощью советских инструкторов-калмыков части народно-революционной «красной» монгольской армии. Именно это дало Ч. Р. Бодену основание говорить о «советской военной оккупации» Монголии в течение нескольких лет после 1921 г.⁶

«Долина реки Толы отликает желтизной. На ее свободной, открытой поверхности виднеются казармы монгольских солдат, и там и сям чернеют группы самих защитников этой страны — монгольских солдат-пехотинцев» (запись от 11 октября).

Козлов, будучи кадровым офицером русской армии, не мог не обратить особо пристального внимания на военные учения монголов: «...по долине двигаются пешие и конные, преимущественно солдаты-цырики. Интересно, между прочим, что обучение строевой линии в пехотном строю делается из экономии — пехотинцы изображают собою в то же время и всадников, поэтому они делятся на три, как в кавалерийском строю. Применяется ли то же самое в России — не знаю!» (13 октября). На следующий день П. К. делает новое наблюдение: «Воскресный день, монголы производят обучение гимнастике молодым солдатам. Некоторые из них ловко прыгали через „кобылу“. В долине Толы заметно большое оживление: там и сям стоят юрты, едут на скрипучих арбах или лихо катят переодетые всадники» (14 октября).

Не менее удивляет Козлова и появление нового колесного транспорта в монгольской столице. «Автомобили, мотоциклетки, в особенности же велосипеды очень и очень в чести у ургинцев. На улицах то и дело попадаются велосипедисты, иногда в проулочках тут же и обучаются монголы: падают, смеются, исправляют русские новинки» (запись от 25 октября).

Это первые, наиболее яркие и волнующие впечатления от свидания с городом, где Козлов бывал много раз и где в 1905 г. ему довелось встречаться и беседовать с тибетским далай-ламой, о чем он впоследствии вспоминал как об одном из самых счастливых и светлых событий своей жизни. Вполне естественно возникает желание писать: «Следует

говорить или писать о Урге, о ее населении, торговле, о том, гл. обр., что произошло с этим городом — столицей Монголии, долженствующей отражать быт, силы, материальное и культурное богатство — весь облик страны, со времени успокоения ее от той волны, которую [поднял] своим вмешательством в чужие дела так наз. барон Унгерн. <...> Как раньше, так и теперь лучшим знатоком Урги и всей Монголии может, конечно, быть мой спутник и ученик Ц. Г. Бадмажапов. Только он в состоянии дать мне материал для очерка „Современное состояние Монголии и ее столицы Урги“» (запись от 5 октября). В связи с этой цитатой хотелось бы обратить внимание на неоднозначность оценки Козловым «Белого движения». Так, Р. Ф. Унгерн заслуживает порицания, очевидно, за своё «вмешательство в чужие дела», в то же время В. М. Алексеев, Л. Г. Корнилов и адмирал А. В. Колчак вызывают у него восхищение, они — «лучшие примеры разума, стойкости и патриотизма», «великие сыны России» (запись от 18 февраля 1924 г.). Что же касается планов Козлова относительно создания очерка, посвященного новой Монголии и ее столице Урге, то им, увы, не удалось осуществиться.

Едва обустроившись в Урге, Козлов, по заведенному обычаю, приступает к рассылке подарков членам монгольского правительства и высшему духовенству — Богдо-гэгэну («конституционному монарху»), а также другим наиболее влиятельным ламам. Любопытно, что сам он в церемонии их подношения не участвует — подарки от лица русской экспедиции развозят (в соответствии с заранее составленным списком) его помощник С. А. Глаголев и навязанный Москвой политком Д. М. Убугунов. От них же П. К. узнает и о реакции монгольских вождей: «...все эти господа принимали подарки как должное, только один Жамцарано несколько конфузился и уклонялся, но все же в конце концов принял с благодарностью. <...> Во время вручения подарков все стояли. Церен-Доржи (премьер-министр. — А. А.), говорят, держал себя особенно с достоинством и внушительно-нежно говорил ответную речь: „Да, мне очень приятно видеть новый знак внимания и дружбы ко мне моего старого знакомого, начальника экспедиции Козлова. Я очень тронут, благодарен и надеюсь в скором времени видетсья с Козловым“» (11 октября). Но уже вскоре выясняется, что П. К. допустил оплошность — собравшись было в гости к своему другу Цыбену Жамцарано, секретарю Монгольского Ученого комитета, он с удивлением узнает, что нарушает неписаное правило монгольского этикета. По словам Жамцарано, которые Козлов скрупулезно заносит в свой дневник, это «нехорошо», поскольку П. К. еще не сделал визитов первым лицам монгольского государства. Следовало сперва посетить «кого-либо из старших персон», а уж затем можно было бы отправиться и к нему, «маленькому» (11 октября). Таким образом, Козлову приходится отложить поход к симпатичным супругам Жамцарано — Цыбену и Бадмажап — до более подходящего случая. По той же самой причине П. К. долго раздумывает, принять или нет приглашение на чай ургинских тибетцев. И все же в конце концов, очевидно, махнув рукой, он отправляется в сопровождении ламы-тибетца Лапсана в тибетскую колонию «в глубине Куреня».

Вскоре получившие русские подарки члены монгольского правительства являются к Козлову с ответными визитами. Первым его посещает главком Монгольской армии и член ЦК МНРП С. Данзан (глава партийной оппозиции, которого расстреляют в августе 1924 г.). «Сегодня меня навеситил Данзан, представитель ЦК партии, — записывает Козлов в дневнике 13 октября, — очень живой, интересный человек, немного говорящий порусски. Имеет у себя барометр, знает его назначение и проч. Интересуется живо всеми новостями России и хочет понять всякие инструменты, их научную пользу...» Затем путешественника навещает «представитель молодежи» — речь, по-видимому, идет о вожде Монгольского ревсомола Джадамбе, имя которого П. К. почему-то не называет. «Молодой человек, благодаря меня за внимание, возложил на мои руки хадак, а на стол мой карточку — группу Монгольской молодежи, на которой имеется его и Юдина (1-й секретарь полпредства СССР в Монголии в 1922—1925 гг. — А. А.), между прочим, изображение» (20 октября).

Любопытны характеристики и других политических деятелей Монголии, с которыми Козлов вступает в контакт осенью 1923 г. Вот, например, что он пишет о «Япон-Данзане» — Б. Данзане (в 1923—1924 гг. председатель ЦК МНРП): «Под вечер явился ко мне монгол-коммунист Данзан и поднес мне оригинальную табакерку с футляром, в сопровождении голубого хадака. Хитрая bestия этот новоиспеченный тип монгола, который успел побывать в Японии, за что и известен в народе в Урге под именем Япон-Данзана. Как ему хочется скорее осилить русский язык и приобрести побольше полезных сведений!» (запись от 31 октября). А вот как он отзываяется о монгольском министре юстиции (этот пост, как мы впоследствии узнаём, занимает Соном Дорджи): «Очень порядочный человек, строгой жизни, некурящий, непьющий, один из продавцов нам верблюдов. Мне он очень понравился — человек, с которым можно интересно разговаривать» (запись от 16 декабря). Но наибольшие симпатии у Козлова вызывают глава правительства Церен-Доржи (Церендорж) и министр внутренних дел прогрессивный князь (гун) Цецен-ван, потерявший почти все свое состояние в годы китайской оккупации Автономной Монголии. Предсовмин Церен-Доржи, по мнению Козлова, «выдающийся человек Монголии» — «умный, тактичный, уравновешенный государственный деятель». Одним словом, он «очень хороший!» (запись от 9 февраля 1924 г.). С большой теплотой пишет П. К. и о супружеской чете Цецен-ванов: «С каждым разом я все больше и больше проникаюсь преданностью и даже любовью к красивому, породистому Цеценхану, ему и его симпатичной княгине. Это в высшей степени порядочные люди, гордящиеся своей традиционной порядочностью» (7 февраля 1924 г.).

Эти краткие характеристики, при всей их субъективности, вполне искренны. В то же время очевидно, что отношение Козлова к представителям новой монгольской власти определялось главным образом степенью полезности этих людей его экспедиции. По-настоящему же близкие, дружеские отношения у него устанавливаются лишь со «своими» — с представителями бурятской интеллигенции, осевшими в Урге после революции и занявшими

важные посты в монгольском правительстве. Это Ц. Ж. Жамцарано, Д. Э. Ринчино (председатель РВС Монгольской армии), Ц. Г. Бадмажапов (советник министерства внутренних дел и юстиции, один из активных деятелей Монцекоопа), Э. Б. Багухан (министр просвещения). Все они — особенно Жамцарано — много помогают ему, и потому П. К. отзываяется о них весьма положительно. В то же время от его взора не ускользает, что как те, так и другие занимают привилегированное положение в обществе, представляя собой новый тип монгольской аристократии, открыто демонстрирующей свои русофильские настроения. «Меня поразило то обстоятельство, что все министры живут в собственных кудонах⁷, загражденных, посередине занятых постройкою русских домиков, обставленных порусски и с русским укладом. Мебель, зеркала, чай и угощение, уследы, русский самовар — достояние всякого монгольского чиновника первых степеней!» (25 октября). В «кудоне с русским домиком» — по соседству с Цецен-ваном — проживает и Жамцарано. Не менее любопытно и сообщение Козлова о посещении им, в сопровождении Ц. Г. Бадмажапова, здания бывшего китайского ямыня — «присутственного места», где под одной крышей ныне размещаются МВД и Министерство юстиции новой Монголии.

«После обеда я с Ц. Г. отправились в его м-ство вн. д., побывали в 3 кабинетах: в 1-м, в очень большой жарко натопленной [комнате] сидело несколько человек за низкими письменными столиками, писали, прочитывали вместе, сверяли, вдумчиво смотрели в бумаги и проч.; во 2-й комнате — то же самое, только отд[еление] министерства юстиции творило суд; в третьей, собственно, в юрте, подобающе обставленной, отдельно [для] трех лиц — председателя или самого министра, товарища министра и Ц. Г., сидящего рядом за одним столом с управляющим министерством. Здесь происходили нотариальные формальности с выдачей и скреплением документов. У входа китайских ворот толпилось немало народа, преимущественно монголов, и как исключение — стояла русская женщина» (запись от 18 декабря 1923 г.).

Своего отношения к увиденному Козлов не высказывает, однако, говоря о «возрождении» Монголии и достигнутом ею в последние годы прогрессе, он едва ли мог одобрять слепое копирование монголами русских порядков, особенно в сфере высшего государственного управления.

О политической ситуации в Монголии Козлов пишет крайне скупой и неохотной, хотя, надо думать, он был достаточно хорошо о ней осведомлен, прежде всего, благодаря своим бурятским друзьям — Ц. Г. Бадмажапову, Э. Д. Ринчино и Ц. Ж. Жамцарано. С другой стороны, ему регулярно давались «политориентировки» советским посольством, осуществлявшим внешний контроль за его экспедицией, через В. И. Юдина и А. Н. Васильева. Но Козлов предпочитает не касаться политических тем на страницах своих научных дневников, считая, что не следует смешивать науку с политикой. Так, он ничего не сообщает о внутрипартийной борьбе — об «оппозиции» Данзана и его разоблачении на III съезде МНРП летом 1924 г. В то же время, П. К. не смог обойти молчанием другой животрепещущей темы текущей монгольской по-

литики — угрозы нового военного вторжения Китая в Монголию. Так, например, суммируя свои впечатления от «раута» в советском полпредстве по случаю 7-й годовщины Октябрьской революции, Козлов отмечает, что все монгольские ораторы в один голос говорили «о грядущей опасности со стороны Китая» — о том, что китайцы непременно «выступят с войной» не позднее весны следующего года и что монголам, конечно, не справиться с ними «без сильной поддержки России». Монголы особенно уповают на это обстоятельство, пишет он, на то, что «за спину Монголии стоит сильная Россия», и некоторые говорят даже: «Мы не желали бы быть на месте Китая — в Китае великая гражданская война, брат бьет брата, а мы, монголы, беря пример с Сов. России, мирно устраиваем нашу жизнь... Сов. Россия освободила нас от империалистов и капиталистов, и с помощью С. России мы можем достигнуть культуры» (запись от 7 ноября 1924 г.). В этой связи характерна и еще одна запись — с рассказом о банкете, устроенном монгольским правительством по случаю закрытия 1-го Хуралдана. За главным председательским столом, читаем мы, сидел Джадамба, за отдельным, первым, столом «для званых» — Церен-Доржи с министрами; справа от премьера находился Т. Рыскулов (представитель Коминтерна в Монголии), слева В. И. Юдин. Самого П. К. усадили за тем же столом, между министром иностранных дел (Амором) и Жамцарано. «Во время обеда, — пишет Козлов, — играла музыка, аккомпанировала певцам. Речей было много, хурулган распускался. Подчеркнуто было уезжающим, чтобы они отлично передали не только о важности, полезности великого хурулгана, но и о том, что более, нежели прежде, народу подобает быть в контакте с правительством и в случае чего-либо встать, как один, во весь рост для защиты завоеванных прав. Надо помнить, что наши враги, и внутренние, и внешние, не дремлют. Там, в глубине страны, есть много недовольных, которые могут примкнуть к китайцам и т. д. Опять та же песня: нам тяжело бороться, но мы не одни, за нашу спину великая Россия, которая помогла жить Монголии, надо надеяться, что она поможет и во время великих бед, наступлений врагов из Китая. Более, нежели прежде, подчеркивается опасность Монголии со стороны Китая и недовольной части населения» (28 ноября 1924 г.).

Непосредственным поводом для разговоров о подготавливаемой Китаем интервенции в Монголию послужило, как известно, советско-китайское соглашение от 31 мая 1924 г., в котором правительство СССР признало Внешнюю Монголию «составной частью» Китайской республики и обязалось уважать там суверенитет последней. Записи путешественника конца 1924 г. ярко свидетельствуют о крайнем беспокойстве монгольского руководства и его усилиях заручиться советской поддержкой, несмотря на заключенный Москвою договор с Пекином. Находясь в Урге, Козлов, насколько можно судить, пристально следил за ходом советско-китайских переговоров, полагая, что от их результатов в конечном счете зависит, получит ли он из Пекина «паспорт», разрешающий его отряду передвижение по китайской территории вплоть до Тибета. Так, узнав от Убугунова 25 марта об ультиматуме, предъявленном китайцами Л. М. Карахану,

Козлов тут же сделал об этом соответствующую запись в дневнике. Хотя, как мы знаем теперь, в действительности судьба экспедиции Козлова решалась не в Пекине, а в Москве, на самом высоком государственном уровне.

Заслуживают внимания и некоторые другие сообщения Козлова, также имеющие отношение к политике. Например, его рассказ об инциденте на советско-монгольской границе осенью 1924-го — о вторжении в Кэнтэйские леса забайкальских охотников — более 1000 человек, с лошадьми и со скарбом (запись от 11 ноября). «Это был неожиданный охотничий набег на Монгольскую белку. Охотники-промышленники имели на руках лишь копию телеграммы Красноярского охотничьего союза, что последний ничего не имеет против поездки их на монгольскую территорию с целью добычи белки... И вот снялись охотники и табором, как гунны, двинулись истреблять „теплого“ ценного зверька... совершенно не считаясь с мнен[ием] монг[олов]». Дабы «пресечь дерзкое поповознение россиян, монгольские власти были вынуждены экстренно снарядить особые отряды для поимки «непрошенных гостей-забайкальцев» в лесах Кэнтея.

Еще более интригующим является рассказ Козлова о попытке ургинских тибетцев во главе с ламой Галсаном переправить через Монголию партию стрелкового оружия, закупленного в Забайкалье для далай-ламы — фактически же для нужд тибетской армии. Это оружие было задержано советскими властями в Кяхте в конце 1923 г. (запись от 17 октября), и Козлову — по просьбе тибетцев — пришлось лично ходатайствовать о разрешении на его провоз через монгольскую территорию. Однако Э. Д. Ринчино, к которому он тогда же обратился за помощью, не смог урегулировать инцидент своими силами — в результате оружие застряло на советско-монгольской границе на целых два года (!), пока из Лхасы не вернулась секретная советская миссия во главе с С. С. Борисовым (обсуждавшая с далай-ламой, между прочим, и вопрос о военных поставках СССР Тибету)⁸. Лишь после этого тибетцы смогли получить назад свое оружие и отправить его караваном в Лхасу (о чем Козлов сделал запись 27 декабря 1925 г.). В этой связи необходимо добавить, что в 1-й половине 1920-х гг. ургинскими тибетцами, монголами и бурятами довольно широко практиковалась контрабандная переправка в Тибет русского — в основном оставшегося от Унгерна — оружия. Монгольские власти, конечно же, знали об этом (так же как и ургинская резидентура ОГПУ), но долгое время закрывали на происходившее глаза, по-видимому, не желая обострения отношений с далай-ламским правительством⁹.

Большой интерес представляют также и этнографические заметки Козлова — сообщения о монгольских праздниках — традиционных (буддийских) и новых и о связанных с ними обычаях и обрядах, — позволяющие судить о характере и степени изменений, происшедших в духовной жизни монгольского общества. Вот, например, как П. К. описывает празднование Цаган-сара (монголо-тибетский Новый год) в Урге в 1924 г.

«Сегодня (5 февраля. — А. А.) начало великого праздника буддистов — Цаган-сар. Жаль, что мы далеко живем от монастырей и храмов, иначе

Монастырь Гандан, Урга. Ок. 1923
 Фото П. К. Козлова. Санкт-Петербург. Музей-квартира П. К. Козлова

слышали бы их церковную музыку. В течение всего дня из стороны в сторону снуют нарядные, в пестрых цветистых костюмах, [монголы]. Говорят, что сегодня, т. е. в 1-й день Цаган-сара, все именитые монголы на поклонении и принесении новогодних поздравлений Хутухте. На второй день им или министрам принято делать визиты. На третий день ездят друг к другу женщины. Монгольские модницы стараются надеть на себя все лучшее и дорогое. Таким образом, в 1-й день едут друг к другу наши соотечественники — буряты! И сегодня в доме Ц. Г. я имел возможность видеть много лиц интересных и неинтересных. <...> Весь день, от начала до конца, гости, гости, гости: сначала буряты, потом русские».

На следующий день визиты продолжились: «Около трех часов дня вдруг подкатил автомобиль с двумя нарядными княгинями: одна из них жена Цецен-вана, кстати, очень симпатичная. И все они, монголы, с отличными зубами: и у Цецен-ханши, и у супруги министра юстиции. Наряды стоят огромных денег. Преобладают: жемчуг, драгоценные камни, масса золота (отчего убранство костюма очень тяжелое) и в заключение — прекрасные, темные с сизым отблеском, соболя. Цецен-ханша мило говорила, беседовала и обе держали себя с достоинством». Свои наблюдения Козлов продолжил в городе: «Благодаря прекрасной погоде вообще и монгольскому яркому солнцу, улицы полны самых цветистых, самых разнообразных нарядов. Среди преобладающих пеших движутся в разных направлениях экипажи, конные и даже автомобили. Множество зевак второй день дежурят у дороги, соединяющей дворец Богдо-гэгэна со старейшим монастырем Урги — Майдэри, куда Богдо ежегодно выезжает в праздник Цаган-сар. Вообще храмы полны народа, всюду музыка и пение буддийских лам. К вечерней заре все утихает, улицы, по крайней мере на окраинах, пусты. Устанавливается чудная тишина и внизу, и вверху» (6 февраля).

20 февраля П. К. наблюдает полное лунное затмение и одновременно сопровождающий его довольно своеобразный ритуал.

«С самого начала и до конца лунного затмения местные ламы с участием простых обывателей неистовствовали: звонили в бубны, барабаны, тарелки, гудели в раковины, и рядом, там и сям, гремела трескотня бомб и ружейных выстрелов. Иногда все [это], вместе с дикими воплями монголов и китайцев, составляло чудовищную какофонию. Все это проделывалось с целью уничтожить дракона, проглотившего луну, и скорейшего возвращения ночного светила. Монголы все же верят в благополучный исход всякого затмения (и солнечного и лунного, и полного и частичного), потому что дракон, это воздушное чудовище, не имеет желудка, и проглоченное им

светило очень скоро освобождается, чтобы иметь возможность освещать путь человечеству. Около полуночи, или позднее, луна уже успокоила своим видом ургинское буддийское население».

А еще через несколько дней Козлов становится свидетелем совсем нового праздника — в Урге от-

Жена монгольского чиновника. Ок. 1925. Фото П. К. Козлова. Санкт-Петербург. Музей-квартира П. К. Козлова

мечаются шестая годовщина русской Красной армии! По этому случаю устраивается военный парад. «На параде русским присутствовали в небольшом количестве и монгольские войска с музыкой», — записывает в дневнике Козлов. «Русский батальон, говорят, прошел довольно стройно. На парадах вообще строятся в такой последовательности: в головной части — русская воинская часть, за нею военное училище или, точнее, военная школа, за которой идут монгольские цырики. Пока все это нечто балаганное, может быть, после большого времени что-нибудь и образуется...» (запись от 23 февраля 1924 г.).

За днем «новой русской армии» следует юбилей армии монгольской (27 февраля), созданной при советской помощи в Алтан-Булаке тремя годами ранее. И опять военный парад, в котором на этот раз тон задают монгольские цырики. После парада на окраине города — неподалеку от дома Ц. Г. Бадмажапова — устраиваются стрельбы. Взвод монгольской артиллерии обстреливает северо-восточные вершины горной гряды, расположенной по другую сторону реки Толы. «Стреляли шрапнелью, которая эффектно разрывалась по скату и вершинам прицельных высот!» — отмечает находящийся поблизости Козлов. «Лошади и прислуга — монгольские, начальники также. Тут же наблюдали два монгольских чиновника с перьями на шляпе и с колчаном стрел за спиной (у одного из них)». Устроенные в Урге «показательные» стрельбы — это не нечто новое, заимствованное у русских соседей, но часть старинного буддийского обычая. Господин Цыбиков наблюдал подобный ритуал в Лхасе в конце Большого Монлама 1 марта 1901 г. (24-го числа первой луны). В этот день после сожжения дугчжубов тибетцы устроили обстрел из пушек находящейся против Поталы — по ту сторону реки Уй — горы (3 выстрела холостыми зарядами, 4 ядрами). Существует поверье, объясняет Цыбиков, что гора эта, на которой находится могила гонителя буддизма, тибетского царя Лангдхармы, понемногу приближается к реке и грозит, вытеснив однажды ее воды из русла, затопить священный город¹⁰. Таким образом, очевидна прямая связь лхасского и ургинского ритуалов. При этом монголы, как кажется, нашли весьма остроумный способ сохранить старый обычай, приурочив стрельбы ко дню создания «народной армии».

П. К. Козлов сообщает нам и еще об одном довольно любопытном обычае. В углублении в скалах в районе реки Баин-гол, неподалеку от разрушенного ламаистского монастыря, он обнаружил бумажные изображения коней с написанными на них благопожеланиями. «В известный праздник, — поясняет П. К., — принято изображение лошади на бумаге бросать в степи с холмов, где ветер подхватит бумажечки и разнесет в степи или пустыне, и, м. б., попадут такие кони на заблудившихся в степи и помогут им спастись» (Дневник № 2. 3 августа 1924 г.). О существовании подобного обычая нам известно главным образом от французских миссионеров-лазаристов Гюка и Габе, наблюдавших его в монастыре Гумбум в Восточном Тибете (Амдо) ок. 1844 г. Согласно их сообщению, в 25-й день каждого месяца ламы поднимаются на высокую гору и разбрасывают «бумажных лошадей» — кусочки бумаги с нарисованными на них оседлан-

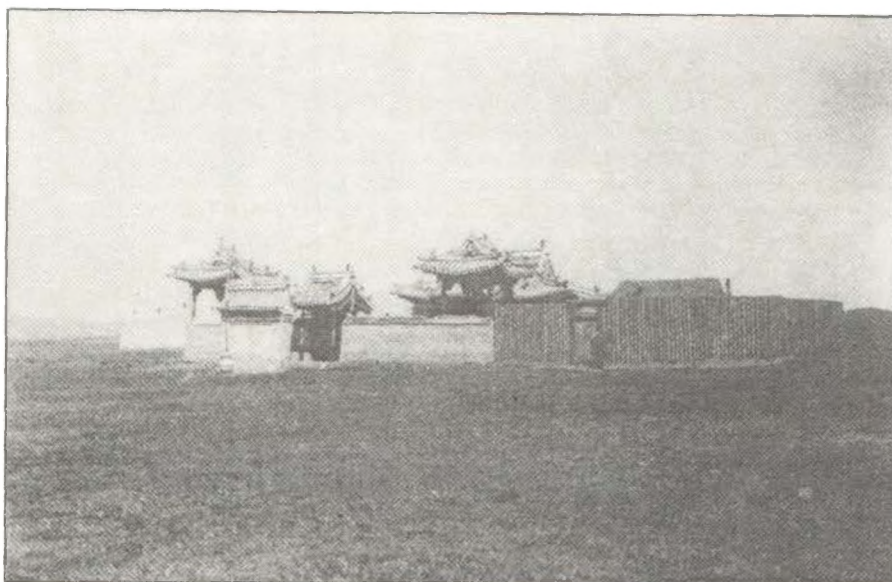
ными конями — «в помощь путешествующим». Примечательно, что с тем же обычаем в 1925 г. встретился и Н. К. Рерих во время своей Центрально-Азиатской экспедиции, правда, уже в Ладаке, где его совершали опять-таки ламы¹¹.

То новое, что Козлов с неподдельным интересом наблюдал в Урге в 1923—1924 гг., пришло в Монголию из Советской России, продолжившей, таким образом, на новом историческом этапе реформирование монгольского государства, начатое десятью годами ранее Россией царской. И всё-же, несмотря на все нововведения, Внешняя Монголия — пока был жив Богдо-гэгэн — оставалась, по существу, теократическим ламаистским государством, в котором религия и ее институты сохраняли свое исконно доминирующее положение. Дневники Козлова, судя по приведенным выше и некоторым другим записям, свидетельствуют о вполне сносном существовании монгольских монастырей и духовенства, хотя уже очень скоро ситуация начнет радикально меняться. В 1925 г. монгольское правительство нарушит статус-кво и перейдет к открытому наступлению на монастыри и ламство, в соответствии с решениями 2-го Великого Хурала. Но пока что Козлов не наблюдает явных признаков «упадка ламаизма», в отличие от Свена Гедина, проведшего в Урге несколько дней в ноябре 1923 г., равно как не замечает он и каких-либо проявлений борьбы народной власти с религией. Правда, сам П. К. нередко делает довольно резкие выпады в адрес лам, но его инвективы — это, скорее всего, лишь порицание недостойных лам, позорящих своими поступками великое буддийское учение, и в этом они весьма напоминают критику, звучавшую в 1920-е гг. в новомодных проповедях обновленцев, в том числе и его большого петроградского друга, бурятского хамбо-ламы Агвана Доржиева — в прошлом учителя и советника далай-ламы, ныне выступающего в роли неофициального представителя Тибета в СССР. (С Доржиевым Козлов особенно много общается в Урге в 1924-м г. — через него он посылает в Лхасу подарки далай-ламе и его министрам и от него же, между прочим, узнает самые последние тибетские новости.)

Вот, например, как Козлов описывает торжество по случаю дня рождения Богдо-гэгэна (17 октября 1923 г.) — последние в жизни теократического правителя Монголии:

«Днем то и дело раздавалась стрельба из пушки: это празднует Богдо день своего рождения. Вечером, при той же пальбе, он делал выезд в монастырь Майтреи. Говорят, на пути его во многих местах стоял народ, чтобы видеть святителя. Теперь, когда гэгэн слепой, он редко показывается народу, в особенности в выездах, тогда как раньше такие прогулки в нарядном экипаже Богдо-гэгэн любил и разъезжал или в одиночку, или со своей покойной богиней. Едва скончалась старая, как Гэгэн взял себе в жены молоденькую, знатную монголочку, которая ныне и является живым украшением дворца монгольского хана. По обычаю, в день рождения хана ему представляются все высшие монголы, как ламы, так и миряне!»

Единственное антиламское «мероприятие», которое упоминает Козлов, это поставленный в праздничные дни Цаган-сара бурятской молодежью «спектакль из духовной жизни», осуждающий «недостой-

Китайская кумирня, Ван Курень. Ок. 1925
 Фото П. К. Козлова. Санкт-Петербург. Музей-квартира П. К. Козлова

ное поведение всего духовенства» и особенно «лаишек-ховараков» — его «самого порочного элемента» (21 февраля 1924 г.). Но речь здесь идет, насколько можно судить, об инициативе ургинских бурят, а не об акции монгольского правительства (которое, таким образом, как бы оказывается в стороне). В то же время, Козлов отмечает, что на спектакле многие откровенно скучали, явно дожидаясь его окончания, за которым должны были начаться танцы. Сообщение Козлова также намекает на то, что подобные вечера с антирелигиозными «спектаклями» происходили в Урге и ранее.

А вот еще одна курьезная зарисовка начала 1924 г. — об ургинских пожарах, которые, по словам, устраивают ламы, стремящиеся «поддержать престиж Богдо», поскольку Гэгэн предсказал 12 пожаров в городе! «Было 4 пожара, на одном из ко-

торых, под видом спасителей, появлялись жулики-монголы и положительно все имущество Лушниковых¹² разворовали. Следующие 2 пожара намечены в нашем районе: аптеку и дом наш, в котором я и жена живем вместе с хозяевами. Аптека и русские доктора уже давно стоят поперек горла ламам, которые из-за этого несут большой убыток, а дом Цокто — потому что в нем есть что пограбить!» (29 января). Насколько верны эти слухи о ламах-поджигателях, трудно сказать, однако едва ли можно сомневаться в агрессивности ламства в целом и других слоев населения Монголии, оппозиционных новому режиму.

Экспедиционные дневники П. К. Козлова, конечно же, не дают полной картины тех процессов, которые происходили в политической, социальной и культурной жизни монгольского общества в послереволюционный период (1923—1924). Заметки путешественника для этого слишком фрагментарны и случайны, тем не менее они, безусловно, заслуживают нашего внимания. Особенно ценными представляются наблюдения Козлова над новыми и старыми формами монгольского быта, пока еще мирно уживающимися друг с другом, а также верно подмеченная им ключевая роль внешнего фактора, в лице СССР, в происходящих в Монголии переменах. И в этом смысле его дневники вполне могут служить хорошим подспорьем для изучающих современную историю МНР.

21 июля 1999 г.

Примечания

1. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции (5 кожаных тетрадей) хранятся в архиве Музея-квартиры П. К. Козлова в С. Петербурге.
2. См.: Козлов П. К. Путешествие в Монголию, 1923—1926: Дневники, подготовленные к печати Е. В. Козловой. М., 1949. (Записки Всесоюзного Географического Общества, Новая серия, т. 7).
3. См.: Андреев А. И. Почему русского путешественника не пустили в Лхасу. О Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова // Ариаварта. Начальный выпуск. СПб., 1996. Перепеч. в кн.: Андреев А. И. От Байкала до Священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX в. (Бурятия, Монголия, Тибет), СПб.; Самара; Прага, 1997. С. 92—120.
4. О нем см.: Ломакина И. И. Цогто Бадмажапов (Судьба первооткрывателя Хара-хото) // Orient. Вып. 2—3. СПб., 1998. С. 186—203.
5. См., напр.: Обручев В. А. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. 2-е изд. М., 1950. С. 23—24; Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. Экспедиция Русского Географического Общества в нагорной Азии П. К. Козлова, 1907—1909. М.; Пг., 1923. С. 35.
6. Bowden C. R. The modern history of Mongolia. London, 1968. P. 264.
7. Худон — (монг.) сельская местность, кочевая степь, кочевье. Козлов, по-видимому, употребляет здесь это слово в более конкретном значении «двор», «хутор».
8. О миссии С. С. Борисова в Тибет в 1923—1925 гг. см.: Андреев А. И. От Байкала до священной Лхасы... С. 147—169 (глава: Большевики в борьбе за Тибет). В своих дневниках Козлов довольно часто упоминает эту миссию, хотя и не называет имени ее руководителя (вместо этого он употребляет аббревиатуры «Б.» или «Бор.»).
9. Так, напр., советский резидент в Урге, некто «Витали», в своем донесении центру «О современном положении ламства в Монголии» (1925) сообщал о выявленной в Урге группе из 13 человек (тибетцы, монголы, буряты), занимающейся закупкой оружия в пределах СССР (Троицкосавский аймак) и дальнейшей переправкой его в Тибет. «В основном это имеет наживную цель, — отмечал он, — и является случайным сплавом оставшегося оружия от Унгерна» (ЦГА Республики Бурятия. Ф. 1, оп. 1, д. 657, л. 74).
10. Цыбиков Г. Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. См.: Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Новосибирск, 1981. С. 118.
11. Рерих Н. К. Сердце Азии. Ч. II: Избранное. М., 1979. С. 171.
12. Лушниковы — кяхтинская купеческая семья, имевшая отделение своей торговли в Урге. Козлов и другие русские путешественники не раз пользовались гостеприимством дома Лушниковых в Кяхте.